

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА
КАК ПОЛНОЦЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ**

(Первухина, С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: монография / под ред. В.И. Карасика. ВГБОУ ВПО РГУПС. – Ростов н/Д., 2014. 203 с.)

Популярная листовка-памятка по назначению и применению лекарственного препарата, нередко с изображениями, схемами, таблицами; сокращенная и упрощенная версия объемного классического романа; интернет-комментарий к обсуждаемому в Думе законопроекту, – все это тексты прикладного назначения, возникшие в результате обработки их «скучных» и длинных, малопривлекательных, содержащих специальную терминологию прототипов, с целью приспособления последних к новым условиям восприятия. Это так называемые адаптированные тексты, без которых жизнь современного человека в ситуации информационного бума была бы немыслимой или, во всяком случае, сложной.

Первое, на что читатель обратит внимание при знакомстве с книгой лингвиста, вузовского преподавателя Светланы Владимировны Первухиной, – чрезвычайно удачное по своему выбору, нетривиальное по исполнению, оправданное реальностью письменной коммуникации (причем не только сегодняшнего дня) и, в целом, оказавшееся продуктивным пересечением в одном исследовании трех смежных познавательных пространств: дискурсологического, текстологического, герменевтического. Кроме этого, данную работу можно рассматривать как еще один шаг на пути уяснения отношений между двумя важнейшими коммуникативными сущностями – текстом и дискурсом.

Объект, каким здесь выступает собственно адаптированный текст, принципиально трактуется автором как текст вторичный, т.е. построенный на основе первичного и обусловленный им, но наделенный иными прагматическими задачами. Вторичный текст всегда возникает как результат преобразований, вызванных изменениями дискурсивно-прагматических обстоятельств его понимания и интерпретации. Комплексным предметом исследования в таком случае становятся структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста (естественно, хотя и неявно коррелирующего с соответствующими параметрами текста-источника), а также подтвержденные длительной практикой, ставшие продуктивными модели текстовой адаптации.

Особое значение при таком взгляде на новую коммуникативную ситуацию обретает фигура реципиента, каким выступает «другой» (гораздо более многочисленный, но менее сведущий в той или иной области) читатель. Оговоримся, что определение «особое» в данном случае следует воспринимать исключительно в контексте сегодняшней теории коммуникации, а вовсе не в контексте естественной процедуры функционирования текстов как «знаковых произведений духовной деятельности человека» (Л.Н. Мурзин). В связи со сказанным в монографии поднимается ряд актуальных вопросов, имеющих непосредственное отношение теперь уже к герменевтической позиции реципиента в отношении текста, которой продиктованы особенности понимания / частичного понимания / искаженного понимания / непонимания текста; субъективной его интерпретации; последующего пользования «ценностями» текста; приятия / неприятия его структурно-семантических заданностей; выработки на основе взаимодействия с текстом методов трактовки аналогичных или подобных текстовых сообщений и т.д.

Одновременно с фигурой читателя достаточно оригинальную роль усматривает С.В. Первухина и в фигуре адаптатора, который справедливо именуется

в книге *автором* адаптированного текста (с. 6), что сближает (все-таки не уравнивает) его в правах с создателем первичного сообщения и одновременно подчеркивает его функцию посредника между этим создателем и «новым» читателем. Таким образом, адаптатор – это весьма компетентный читатель, использующий свой творческий потенциал для изложения (передачи) смыслов текста-источника менее компетентному читателю. Любопытно, что автор-адаптатор в нашем случае почти всегда, за редким исключением, остается анонимным.

Адаптированный текст обладает целым рядом неповторимых специфик, которые получают свое описание в соответствующих разделах монографии. Так, во второй главе рассматриваются структурные характеристики адаптированного текста – композиционные, синтаксические, номинативные. Существенно, что структура нового текста не может не повторять структуру старого, при этом она меняется не произвольно, но так, чтобы адаптированный текст по возможности полно отвечал фоновым знаниям и информационным потребностям своего читателя.

В третьей главе видим подробное описание трех доминантных семантических моделей адаптации текста – упрощения, или симплификации, основанной на компрессии; денотатной экспликации, направленной на пояснение незнакомых текстовых единиц; амплификации, связанной с толкованием неизвестной понятийно-предметной ситуации. Нетрудно заметить, что симплификация и амплификация противопоставлены друг другу; вторая же модель – экспликация – закономерно занимает промежуточное положение. При всей схематичности такого подхода данный раздел работы следует счесть и наиболее ценной ее частью, поскольку любое экспериментальное выделение адекватной системы взаимосвязанных коммуникативных моделей ведет к представлению соответствующей целостной когнитивной концепции (как системы систем), обнаружению законов и закономерностей межличностного общения, проникновению в сущностную глубину изучаемого процесса.

Две последние главы, 4-я и в особенности 5-я, носят выраженный практический характер: они посвящены прагматике адаптированного текста и специфике его функционирования в разных типах дискурса. Достаточно тонко, методологически точно (и терминологически тактично) разведены понятия *стилевой* и *стилистической* характеристик исследуемых текстов; рассматриваются текстовые категории адресатности и интерактивности, создающие контекст, внутри которого и возникает адаптированный текст. Авторские рассуждения подкреплены большим количеством убедительных примеров на русском и английском языках, также иллюстрациями креолизованных сообщений, в которых слово сочетается с изображением.

Итак, монография С.В. Первухиной решительно выводит адаптированный текст из разряда «презренных», «низких», и уверенно переносит его в число необходимых, а в какой-то части и неизбежных феноменов сферы коммуникации. Эта книга, адресованная широкому кругу исследователей-филологов, должна быть востребована и специалистами-практиками, адаптирующими насущную информацию к ее естественному восприятию читателем-неспециалистом, в чем можно усматривать и просветительскую функцию адаптации.

«Мы считаем, что степень понимания текста зависит от того, какая информация и какие факторы коммуникации были задействованы при интерпретации», – пишет С.В. Первухина, подводя итоги. «Важная часть процесса адаптации текста – это интерпретация для другого, понимание сложностей для читателя и путей их преодоления» (с. 163). Никакая монография, сколь бы

полной она ни была, не в состоянии учесть все грани поднятой проблемы, если речь идет о проблеме емкой, глубокой, малоизученной. Но уже в приведенном отрывке можно увидеть указание на дальнейшее развитие темы и решение связанных с нею очередных задач – как сопутствующих, так и основополагающих.

С.Г. Николаев

КРИСТИАН КРАХТ: МОЗАИЧНЫЙ ТЕКСТ

(Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма: монография / Т.Н. Андреюшкина [и др.]; под ред. Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. – 243 с.)

Провокационная фигура Кристиана Крахта, немецкоязычного постмодерниста, которого причисляют то к поп-литературе (Popliteratur), то к ее закату, в романах которого находят отголоски актуальных для 1970 – 1990-х философских конструктов (Делез и Гваттари, Бодрийяр, Вирильо) и типичную для постмодернистской эпистемы «поверхность», является идеальным объектом для литературоведческого исследования, ориентированного на культурологические аспекты. Именно эти аспекты и составляют главный интерес авторов рецензируемой монографии.

Крафт довольно быстро привлек внимание издателей и переводчиков в постсоветской России, судя по довольно обширной библиографии его русских переводов, а также критиков и ученых: его имя фигурирует в аналитических обзорах Е.В. Соколовой, статьях Т.А. Баскаковой, сборниках многочисленных филологических конференций. Крафт – один из немногих персонажей современного немецкоязычного пространства, сумевший преодолеть локальную значимость и занять место в ряду международных «лейблов» постмодерна, таких как У. Эко, М. Кундера, Дж. Барнс и др. Насколько высок интерес к творчеству Крахта и со стороны масс-медиа, и в мировом академическом сообществе, демонстрирует краткий, но емкий обзор литературы на немецком и английском языках, представленный в «Заключении» рецензируемой книги (с. 209 – 218). Итак, в России вышла первая монография, посвященная анализу творчества Кристиана Крахта.

Книга является результатом коллективного труда литературоведов-германистов из нескольких российских вузов (Т.Н. Андреюшкиной, А.В. Елисейевой, Г.Г. Ишимбаевой, Г.В. Кучумовой, Ю.Л. Цветкова и др.), а также немецкой исследовательницы из ганноверского Университета Лейбница Ф. Майснер. Читателю предлагается, как пишет редактор издания Т.Н. Андреюшкина, «концептуальное исследование всего творчества Крахта», отвечающее задачам «всестороннего системного описания» его творчества и призванное послужить «стимулом для дальнейшего изучения». Действительно, для тех, кто хочет получить максимально развернутый спектр толкований Крахта, а также осмыслить ряд дискуссионных вопросов, неизбежно связанных с провокационными фигурами (ироничен или нарциссичен Крафт? насколько причастен он к текстам, влияние которых ему приписывают? политкорректен ли Крафт? утопичен или антиутопичен? и т.п.) данное издание – отличная находка. И хотя именно «системности» данной книге явно недостает (есть повторы «биографического» блока текста, следы невычитанности материалов, несоответствие в объемах глав, от 8 до 50 страниц, несоответствие названия параграфов содержанию, как